

УДК 81-22:272

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЖАНРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ВОЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Д.Р. Фахрутдинова

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы разграничения первичных (простых) и вторичных (сложных) речевых жанров в структуре военного дискурса. Формулируется тезис о первичности сложных жанров применительно к институциональной коммуникации. Описываются параметры классификации речевых жанров, составляющих основу профессиональной коммуникации в рамках военного института.

Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы.

М.М. Бахтин

Характерное для современной лингвистики и теории коммуникации разграничение первичных и вторичных жанров, коммуникативных действий и сфер общения восходит к идеям М.М. Бахтина. В своем, ставшем уже классическим, определении речевых жанров М.М. Бахтин трактует первичные жанры как «простые, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения (реплики бытового диалога, частное письмо)», и называет вторичными «сложные жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п.», которые «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения (преимущественно письменного – художественного, научного, общественно-политического)» [1, с. 252]. Эта концепция лежит в основе существующей ныне типологии речевых жанров, которую исследователи выстраивают, выделяя системные оппозиции. Оппозиция первичное/вторичное предстает в ней как оппозиция первичный жанр (простой, элементарный, атомарный, одноактный) / вторичный жанр (сложный, комплексный, многоактный); обычное, повседневно-бытовое речевое поведение, воспринимаемое всеми членами коллектива как «естественное», единственно возможное, нормальное / все виды торжественного, ритуального, внепрактического (государственного, культурного, обрядового) речевого поведения, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоя-

тельное значение; информативная (коммуникативная) цель / эмотивная цель. Продолжая развивать концепцию М.М. Бахтина, А.Г. Баранов уточняет, что среди первичных жанров выделяются простые (близкие к речевому акту) и сложные (близкие к живому диалогу, полилогу) жанры, равно как и среди вторичных выделяются вторичные простые (повествование, описание, рассуждение и под.) и вторичные сложные (литературные формы) жанры [2].

Разделение речевых жанров на простые и сложные, безусловно, определено всем ходом становления и развития человеческой коммуникации в целом. При этом, как отмечает М.М. Бахтин, «различие между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами чрезвычайно велико и принципиально <...>. Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [1, с. 252]. В своих трудах ученый говорит не просто о жанровой форме высказываний в ходе реплицирования, не просто о речевых действиях говорящих, но о речевом общении в процессе деятельности людей как о социокультурном явлении, как о взаимодействии общающихся (а не только воздействии говорящего на слушающего) со всеми вытекающими отсюда последствиями, тем самым демонстрируя ярко выраженный социолингвистический подход к изучаемому объекту. Очевидно, именно такой подход позволяет исследователям по-иному взглянуть на оппозицию простых и сложных жанров применительно к институциональному дискурсу.

Как показывает анализ работ, посвященных институциональной коммуникации, в разграничении первичных и вторичных жанров наблюдается явная смена позиций, и статус первичных приобретают жанры, составляющие основу собственно институциональной деятельности. К сфере вторичного исследователи относят жанры, представляющие собой «ответную реакцию», «интерпретацию, комментирование, обсуждение первичных образцов» [3–8]. В терминах Е.И. Шейгал мы имеем дело с «прототипными (центральными)» и «маргинальными (имеющими двойственную природу и находящимися на стыке разных типов дискурса)» жанрами. По ее мнению, «степень центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса определяется тем, в какой степени он соответствует основной интенции политической коммуникации – борьбе за власть» [3, с. 244]. Исходя из широкого подхода к политическому дискурсу, исследовательница выдвигает целый ряд оснований для дифференциации его жанров, как-то: по параметру институциональности, по субъектно-адресатным отношениям, по событийной локализации, социокультурная дифференциация, полевая и функциональная структура жанрового пространства [3, с. 232–246]. В работе Р.С. Аликаева дифференциация жанров научной речи проводится на основании двух критериев: первичность либо вторичность, членимость либо нечленимость макротекста. Ученый выделяет монографию, диссертацию, статью в качестве первичных жанров, относя к вторичным автореферат, аннотацию и тезисы [7, с. 81, 116]. В монографии Е.В. Бобыревой, описывающей религиозный дискурс, разграничение жанров связывается с характером иллокутивного потенциала и совокупностью интенций рели-

гиозных текстов. Первичными при этом называются жанры притчи, псалма и молитвы, вторичными – проповедь и исповедь [8, с. 216].

Мы разделяем мнение исследователей о главенствующей роли сложных жанров в статусно-ориентированном дискурсе и полагаем, что предложенные основания для членения того или иного типа дискурса на его жанровые составляющие в целом приложимы к любой сфере институциональной коммуникации.

Объект нашего исследования – военный дискурс – выделяется применительно к современному обществу наряду с другими видами институционального дискурса. Военная организация, будучи важнейшим социальным институтом, призвана осуществлять одну из основных функций государства – обеспечение его военной безопасности. Военное дело (военная деятельность) характеризуется как чрезвычайно сложная система, функционирование которой обусловлено содержанием военной доктрины, основными направлениями внешней политики государства, особенностями господствующего мировоззрения, организационной структурой Вооруженных Сил и масштабностью решаемых ими задач.

Военный дискурс как комплексный коммуникативно-речевой процесс включает совокупность устных и письменных текстов, ориентированных на обслуживание сферы военной коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения. Он характеризуется жесткой иерархией базовых участников коммуникации, определенным хронотопом, открытым утверждением ценностей и норм военного института. Очевидно, что цель военного дискурса обуславливается функцией военной организации государства и может быть сформулирована как управление деятельностью, направленной на обеспечение обороноспособности страны.

Военный дискурс соотносится с одним из семи типов внутринациональных речевых культур – профессионально ограниченной, и в его структуре, как и в структуре всех остальных типов, выделяются основные речевые жанры [9]. Разделение жанров военного институционального дискурса на первичные и вторичные с учетом существующих практик и последующая классификация жанров, составляющих ядро военной коммуникации, являются предметом рассмотрения в рамках данной статьи. При этом мы определяем жанр как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей, совокупность текстовых произведений, объединенных единой целью, одинаковой или близкой тематикой, имеющих сходные композиционные формы, реализующиеся в типичной коммуникативной ситуации.

Как отмечает В.И. Карасик, противопоставление персонального и институционального дискурса – это исследовательский прием. «В действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [10]. По нашим наблюдениям военный дискурс является преимущественно институциональным и доля личностного в нем не так велика. Структурирование жанрового пространства военного дискурса на основании оппозиции институциональность/личностность позволяет дифференцировать его речевые жанры как функциони-

рующие в сфере статусно-ориентированного и персонального (лично-ориентированного) типа общения.

Личностный компонент проявляется на периферии военного дискурса, там, где он пересекается с бытовым и бытийным дискурсами. Так, на уровне межличностного общения на близкой дистанции, в условиях максимальной неформальности и приватности появляются «разговоры на тему» – разговоры, содержание которых связано с деятельностью военного института. Это могут быть разговоры об армии в семье, кругу друзей, сослуживцев, с незнакомыми людьми. На этом же участке коммуникации функционируют и «анекдоты в тему» как смеховой жанр. «Разговоры на тему» практически недоступны для исследователя-лингвиста, поскольку имеют место в личном общении. Заметим, что мы причисляем к этому жанру любые разговоры на армейскую тему, в том числе и разговоры между агентами военного института. Вне сомнений, разговор носителей статусного индекса будет отличать особая предметная содержательность в силу профессиональной компетентности коммуникантов в «военных вопросах». Заметное влияние на характер разговора будет оказывать и фактор хронотопа (разговор в служебной обстановке / вне служебной обстановки). Однако главным критерием отнесения разговоров профессионалов к «разговорам на тему» в этом случае является неофициальный (приватный) характер межличностного общения.

По-иному выстраивается линия общения в бытийным дискурсе. В отличие от бытового в нем «предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [10]. Следовательно, в зоне пересечения военного и бытийного дискурсов оказываются военная мемуаристика, вся литература о войне (представленная во всем богатстве литературных жанров), аналитические статьи соответствующего содержания.

Личностный компонент военного дискурса, таким образом, предстает как совокупность жанров, главной отличительной чертой которых является респонсивность. Это ответная речевая реакция социума на действия, совершаемые военной организацией государства. Обсуждение, комментирование, множественная интерпретация, осмысление, переосмысление и философский анализ этих действий рождают на свет периферийные жанры военного дискурса, которые выступают как вторичные по отношению к жанрам, составляющим его институциональный компонент.

Периферийные жанры военного дискурса органично сосуществуют с жанрами, образующими ядро профессиональной военной коммуникации, где говорящий выступает как представитель военного социального института и общение протекает в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Систематизация жанров, образующих институциональный компонент военного дискурса, может быть осуществлена на основании трехсторонней классификации В. Дикмана. Данная классификация выделяет общественно-институциональную коммуникацию, коммуникацию между институтом и гражданином и коммуникацию меж-

ду агентами в институтах, причем в общественно-институциональной коммуникации разграничиваются две линии взаимодействия: «институт – общество» и «общество – институт» (цит. по [3, с. 234–235]).

Так, коммуникация по линии «военный институт – общество» осуществляется через жанры, представляющие собой обезличенные «высказывания институтов», куда мы относим военную доктрину государства и различные законодательные инициативы военного института, а также через высказывания отдельных представителей военного института, куда могут быть отнесены публичные выступления руководителей военного ведомства по важнейшим вопросам военной политики государства.

Коммуникация по линии «гражданин – институт» осуществляется через жанр военной присяги, а также письменные обращения граждан в органы военного управления непосредственно или через СМИ.

Коммуникация по линии «общество — институт» реализуется через жанры, которые функционируют в масс-медийном пространстве. Именно через прессу, радио, телевидение и интернет общество вступает в разговор, дискуссию, а иногда и в полемику с военным институтом и выражает свою оценку деятельности военной организации государства. Сюда же относится взаимодействие различных общественных объединений и организаций с военным институтом, воплощающееся в таких жанрах, как заявления, призывы, обращения, совместно проводимые акции.

Военная коммуникация относится к специальным видам социальной коммуникации (в противоположность коммуникации межличностной и массовой), в рамках которой выделяется профессиональное общение, осуществляющееся благодаря специальным знаниям, полученным в ходе специальной подготовки, и имеющее ценность в пределах определенной профессиональной группы. Очевидно, что коммуникация в рамках профессиональной деятельности будет осуществляться по двум линиям: «военный институт – общество» и «коммуникации между агентами в институтах». Соответственно, именно в этих сферах общения и будут функционировать жанры, составляющие основу военной деятельности и потому наиболее полно отражающие специфические особенности военной коммуникации.

Одной из таких особенностей является строгая регламентация речевого поведения военнослужащих, обусловленная жесткими иерархическими отношениями в воинской среде. Анализ Общевоинских уставов, детально регулирующих жизнь, быт и деятельность войск, позволяет выделить стандартизованный набор речевых жанров, имеющих устную форму реализации и предназначенных для использования в различных ситуациях воинской службы. К ним относятся: *команда* (краткое, в среднем 1–6 слов, высказывание, предназначенное для непосредственного управления личным составом), *доклад* (высказывание, основным назначением которого является сообщение адресату новой информации), *развернутый приказ* (собственно приказ; высказывание, выражающее категорическое побуждение с сообщением значительного количества новой информации), *представление* (сообщение своего места в войсковой иерархии и исполняемых функций), *обращение* (высказывание, обеспечивающее установление контакта между коммуникантами) и *воинское приветствие* (обязатель-

ная речевая реакция личного состава на приветственное обращение начальника, на информацию, касающуюся адресата лично).

Известно, что самым значимым и конструктивным признаком речевого жанра исследователями признается коммуникативная цель. По этому признаку Т.В. Шмелевой выделяются информативный, императивный, этикетный и оценочный типы жанров [11]. Не вдаваясь в полемику с теми, кто утверждает, что данная классификация приложима исключительно к первичным бытовым жанрам [12], отметим, что в устной военной коммуникации нам представляется возможным выделить *информативный* (доклад, представление), *императивный* (команда, развернутый приказ) и *этикетный* (воинское приветствие, обращение) типы речевых жанров. Эти жанры отличают специфические языковые черты, обусловленные конкретной сферой применения. По мнению Д.В. Васильева, исследователя речи российского представителя профессии военнослужащего, «который является носителем особого – армейского – аргю», армейский дискурс, предназначенный для эффективного управления подчиненными в условиях воинской службы, обладает следующими важными языковыми особенностями: 1) унификацией и стандартизацией используемых средств; 2) требованием экономии речевых усилий; 3) запретом на выражение личностной позиции говорящего; 4) запретом на использование средств, непригодных для объективного отражения действительности [13].

Названные характеристики в полной мере могут быть отнесены и к имеющим письменную форму реализации речевым жанрам, занимающим центральное место в пространстве военного дискурса. Речь идет о так называемых ядерных («прототипных») жанрах, которые могут считаться таковыми прежде всего в силу своего соответствия ведущей интенции военной коммуникации – управлению деятельностью (Вооруженных Сил), направленной на защиту страны от посягательств извне, а также в силу первичности текста и отсутствия пересечения с другими типами дискурса.

В трудах по теории жанров можно встретить самые разные классификации интенций, являющихся основой для создания жанров речи. Причем в разных работах эти классификации приходят в противоречие. Самым распространенным можно считать вариант классификации речей по цели, предложенный Полем Сопером:

1. Информационная речь ставит целью передачу сведений. Она дает новые знания и должна пробуждать любознательность слушателей.

2. Эпидейктическая речь обращена к эмоциональной сфере, содержит прямое обращение к чувствам. Она затрагивает личные интересы слушателей и должна вызывать гнев, любовь к ближнему, благодарность, восторг, преданность, воздавать хвалу и т. п.

3. Убеждающая речь ставит целью с помощью аргументации убедить согласиться с оратором в спорном вопросе. Она стремится повлиять на образ мыслей человека, но не содержит непосредственного призыва к действиям.

4. Призывающая речь содержит прямой призыв к совершению действия самими слушателями.

5. Цель развлекательной речи – поднять настроение аудитории (цит. по [12, с. 46–47]).

Каждому роду речи соответствует свой набор жанров. Это означает, что по характеру ведущей интенции можно разграничить информационные (ориентационные), эпидейктические/ритуальные, убеждающие и побуждающие к действию жанры, каждый из которых, в свою очередь, будет представлен соответствующими текстами (текстотипами), объединенными общей коммуникативной целью.

Применительно к военному дискурсу мы выделяем ориентационные, побуждающие к действию и эпидейктические/ритуальные жанры.

К ориентационным жанрам военного институционального дискурса относятся *военная доктрина, боевой устав, воинские уставы, наставления, положения и инструкции, доклад, донесение, рапорт*.

Военная доктрина и боевой устав представляют собой тексты информационно-прескриптивного характера. В коммуникативном плане в военной доктрине реализуются информативная и декларативная функции, поскольку ее назначение может быть определено как сообщение адресату официальных взглядов (установок), определяющих основы обеспечения военной безопасности страны. Информативная функция реализуется и в текстах доклада, донесения и рапорта, предназначенных для сообщения адресату некой значимой информации. Основная коммуникативная функция боевого устава (официального руководящего документа) – воздействующая, так как речь здесь идет об управлении деятельностью адресата при ведении боевых действий. Воинские уставы, наставления, положения и инструкции относятся к нормативным текстам и предназначены для регламентации и регулирования деятельности адресата в мирное время. Основные коммуникативные функции, реализуемые в этих текстах, могут быть обозначены как регулятивная, информативная и воздействующая.

Побуждающие к действию жанры военного дискурса представляют собой апеллятивные тексты: *директивы, приказы* (которые могут быть устными и письменными), *предписания, распоряжения (приказания)*. Их назначение – управление и контроль над деятельностью адресата.

К эпидейктическим/ритуальным жанрам военного дискурса, на наш взгляд, могут быть отнесены *этикетные формулы воинского приветствия и обращения, текст воинской присяги*. Наибольший интерес для исследования среди них вызывает воинская присяга. Она относится к разряду перформативов (речевых актов), которые представляют собой высказывание, являющееся не только описанием действия, но и самим этим действием, изменяющим статус говорящего и систему социальных связей, в которые он включен. Основные функции воинской присяги определим как интегративную, декларативную и перформативную.

Таким образом, сложное многомерное образование, каковым является военный институциональный дискурс, предстает перед нами как конгломерат жанров, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом. Основу жанрового пространства военного дискурса составляют жанры, образующие его институциональный компонент: они в наибольшей степени соответствуют ведущей интенции военного дискурса, полно и точно отражают специфику профессиональной деятельности. Следующим перспективным шагом исследования нам видится сравнительный анализ иллокутивно-тематических, композиционных и языково-стилистических параметров первичных речевых жанров военного дискурса, функционирующих в русском и английском языке.

Summary

D.R. Phakhrudinova. Structuring the Genre Space of the Military Institutional Discourse.

The article deals with the aspects of initial and derivative speech genres in the structure of military institutional discourse. The problem of speech genre differentiation is examined following the ideas of M.M. Bakhtin. Principles of classification of initial speech genres represented by various types of military texts are analyzed.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. *Баранов А.Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи: сб. науч. ст.* – Саратов: Изд-во гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1997. – С. 23–33.
3. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 325 с.
4. *Шейгал Е.И.* Концепты и категории дискурса // *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр.* – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24–39.
5. *Михайлова Е.В.* Интертекстуальность в научном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 18 с.
6. *Махортова Т.Ю.* Лингвопрагматический потенциал PR-жанра в пространстве банковского курса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 23 с.
7. *Аликаев Р.С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
8. *Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.
9. *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // *Вопр. стилистики.* – 1993. – Вып. 25. – С. 8–19.
10. *Карасик В.И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр.* – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
11. *Шмелева Т.В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика.* – Берлин, 1990. – № 2. – С. 20–32.
12. *Анисимова Т.В.* О принципах классификации риторических жанров // *Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестн.* – 2000. – Вып. 2 (10). – С. 43–48.
13. *Васильев Д.В.* Функционально-стилевые черты русского армейского дискурса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/sections/sections.php?id=16, свободный доступ.

Поступила в редакцию
22.11.07

Фахрутдинова Дина Равилевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры контрастивной лингвистики и переводоведения Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.

E-mail: golim@mail.ru